

церковное. Для автора важно было не оставить в забвении еще одну сторону бытия, которая ушла, возможно, безвозвратно.

Желание узнать, откуда прибыл Костик в нашу местность, из какой социальной среды он вышел, какова его настоящая фамилия привело в Глушковский ЗАГС. Примерная дата его смерти была известна, он умер и похоронен в районном поселке летом 1947 года, сведения получены от тех, кто участвовал в его похоронах. Работники учреждения любезно согласились посмотреть по базе данных. Компьютер выдал одно имя Костантина, умершего в 1947 году, но не летом, а осенью, его фамилия не Поляков, он К-в Константин Сергеевич, 57 лет, болел бронхиальной астмой. По возрасту названный человек подходил, но жил он на улице Дзержинского, а Костик умер в доме у церкви, на другой улице. Астмой юродивый не болел, ходил очень быстро, не похоже, чтобы задыхался. Константин Сергеевич местный человек, а Костик, похоже, пришлый. Последняя надежда узнать что-то реальное об этой неординарной личности, не оправдалась.

В завершении рассказов, собранных по крупицам в селе Званном и его округе, приведем еще несколько былей. Они сохранились в семье автора этого очерка.

Новые черты в образа Костика добавила своими рассказами Мищенко Любовь Павловна. Она жила в Харькове. Но в связи со Специальной Военной операцией всей семьей бежала в Ростов-на-Дону. Это моя двоюродная сестра. Ей удалось сохранить в своей памяти то, что со временем выветрилось из моей, хотя все эти рассказы я тоже когда то слышал от родных.

В детстве Люба каждый год гостила в Званном у нашего деда Афанасия Андреевича Мищенко. Часто ходила в гости к своей тете Любе, моей маме, на улицу Среднюю. Здесь моя бабушка, У. Е. Сущенко, часто ей рассказывала о Костике.